

Муллонен Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>
irma.mullonen@hotmail.com

Новак Ирина Петровна

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
<https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>
novak@krc.karelia.ru

Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII — начала XVIII в.*

Для цитирования: Муллонен И.И., Новак И.П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII — начала XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (3): 720–740.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>

В статье представлены результаты исследования фонетической, фонологической и морфологической систем трех словарных памятников середины XVII — начала XVIII в. на собственно карельском наречии карельского языка: 1) карельско-русские словарные записи, произведенные архимандритом Феофаном в 1667 г. на Соловецких островах; 2) карельско-русский словарь Прохора Коломнятина 1668 г., предположительно записанный в Верхневолжье или в Северном Приладожье; 3) русско-карельский словарь начала XVIII в. из собрания П.П.Вяземского, источником для которого, очевидно, послужили говоры Средней Карелии. Впервые предпринятый в рамках настоящего исследования сравнительный анализ относительно идентичных материалов этих памятников, в том числе с привлечением данных современных собственно карельских диалектов, позволил выявить некоторые особенности карельского языка периода массовых переселений карелов. С точки зрения фонетической системы обращают на себя внимание такие явления, характеризующие заключительный этап функционирования древнекарельского языка, как незавершенность процесса дифтонгизации, сокращение геминат в позиции перед сужающимися дифтонгами, оппозиция согласных по глухости/звонкости, различие свистящих и шипящих щелевых, слабая степень палатализации переднеязычных согласных. Очевидно, языку карелов-переселенцев было свойственно наличие всех видов альтернации согласных, представленных в современных собственно карельских диалектах. Словарный характер материалов источника не позволил реконструировать полные словоизменительные парадигмы карельского языка анализируемого периода времени. Имеющихся данных, однако, оказалось достаточно, чтобы сделать заключение об относительной устойчивости морфологической системы собственно карельского наречия карельского языка, проявляющей себя уже на про-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 124022000089-4 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний».

тяжении нескольких столетий. Представленные в исследовании материалы займут достойное место в процессе изучения исторического развития карельского языка и становления его диалектной системы.

Ключевые слова: старописьменные памятники, карельский язык, фонетика, словоизменительная система, диалектология.

Введение

XVII в. был во многом определяющим как для истории карельского этноса, так и для формирования карельской диалектной карты. В результате многовекового российско-шведского противостояния исконно карельские земли в Приладожье отошли Швеции, что привело к массовой миграции карелов на территорию российского Северо-Запада. Именно в это время образуются большие карельские анклавы в верхнем Поволжье (тверские, валдайские, тихвинские карелы), активно осваивается территория современной Карелии, а в южных ее пределах происходит формирование двух карельских наречий (ливвиковского и людиковского) — как результат карелизации местного вепсского населения.

Именно к этому времени относится появление нескольких значимых для истории карельского языка рукописей, что, конечно, сопряжено с выходом карелов на авансцену российской жизни.

Старописьменные памятники середины XVII — начала XVIII в. являются уникальным источником для изучения истории карельского языка с момента перехода от древнекарельского этапа развития к современному, его исторических грамматике и диалектологии. К настоящему моменту обнаружено три словарных списка, относящихся к данному периоду времени:

- карельско-русские словарные записи из списков «Азбучного патерика» библиотеки Соловецкого монастыря¹, сделанные в 1667 г. архимандритом Феофаном. Записи хранят особенности, свойственные собственно карельским тунгудско-кемским говорам Поморья [Муллонен, Панченко 2013: 31–32];
- карельско-русский словарь «Сказание о преведении корельскаго речения на слове(н)ский» 1668 г. из «Цветника» Прохора Коломнятина, предположительно записанный в Верхневолжье [Памятники лексикографии];
- русско-карельский словарь начала XVIII в. из рукописного сборника из бывшего собрания П. П. Вяземского, содержание (лексика торговой тематики, названия пушных зверей) и старообрядческий фон которого указывают на то, что его владельцем или даже составителем мог быть человек, ведший торговые операции в Карелии [Перетц 1903: 3–4; Мещерский 1961: 30]. Данное предположение подтверждает использование ландшафтного термина *вара* ‘гора’, маркирующего собственно карельские говоры Карелии, а также употребление паданско-тунгудского варианта *пагая* гласной основы глагола *paissa* ‘говорить’.

Кроме словарного характера материалов и времени создания, все перечисленные памятники объединяет их близость к современным южнокарельским диалектам собственно карельского наречия, распространенным в Средней Карелии и Верхневолжье. Оба региона сформировались на основе миграционного потока

¹ Соловецкое собр. РНБ, № 648/706.

XVII в. из Северного Приладожья. Таким образом, анализируемые источники отражают язык, на котором говорили карелы-переселенцы на своей исторической родине. При этом важно отметить, что собственно карельское наречие — прямой наследник древнекарельского языка. В отличие от ливвиковского или людиковского, за прошедшие столетия оно подверглось минимальным изменениям, и разделенные языковые коллективы сохранили значительное языковое единство.

Исследователи обращались к анализируемым словарям неоднократно. Так, карельско-русские словарные записи из библиотеки Соловецкого монастыря впервые были описаны проф. И. Я. Порфирьевым [Описание рукописей]. Расшифровка документа была выполнена финским славистом И. Ю. Миккола, обратившим внимание на особенности дистрибуции переднеязычных щелевых согласных и палатализации в языке памятника [Mikkola 1901; 1932]. В 1961 г. была опубликована расшифровка Н. А. Мещерского [Мещерский 1961]. Уточнить авторство и время создания списка удалось авторам научного издания «Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан» [Муллонен, Панченко 2013].

Русско-карельский словарь начала XVIII в. впервые привлек внимание известного исследователя древнерусской литературы В. Н. Перетца [Перетц 1903]. К описанию графо-фонетических особенностей языка памятника в середине XX в. также обращался Мещерский [Мещерский 1961].

Недавно обнаруженный в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина карельско-русский словарь был подвержен подробному лингвистическому анализу и также успел стать объектом нескольких научных статей [Савельева 2019; Савельева и др. 2021; Муллонен, Новак 2023].

В рамках настоящего исследования предпринята первая попытка сравнительного анализа карельского лексического материала отмеченных памятников с целью реконструкции карельского языка периода массовых переселений карелов, т. е. древнекарельского языка заключительного периода существования, что, в свою очередь, позволит расширить горизонты изучения фонетической, грамматической и лексической структур карельского языка в диахроническом аспекте.

Материалы и методы

Фактическим материалом для настоящего исследования выступили около 80 слов, записанных архимандритом Феофаном в 1667 г., 600 слов из «Цветника» Прохора Коломнятина 1668 г., а также 116 лексем и выражений из русско-карельского списка начала XVIII в. Все записи произведены средствами кириллической графики. В них представлены самые необходимые для повседневного общения слова и выражения: термины родства, названия предметов домашней утвари, продуктов питания, животных, рыб, формулы общения, а также церковная лексика. Данные лексические материалы отражают, главным образом, общекарельский лексический фонд. Несмотря на это, отдельные фонетико-морфологические критерии позволяют относить их к собственно карельскому наречию карельского языка.

Различный объем материалов памятников, а также очевидные отличные цели их фиксации позволяют получить лишь единичные полные списки соответствий

по всем источникам: юмала/Юмала/юмала² ‘Бог’; ш’у́вья/сво́ва ‘есть’ / Сю́ ‘ешь’; пёрти/Пёрьти/перти ‘изба’; ре́бо/Рёбо/ребо ‘лиса’; ’ано/’Анъна/анна ‘дай’. Двучленных соответствий выявлено значительно больше — порядка 80 (см. табл. 1). В целом следует отметить, что представленный в списках материал, даже несмотря на не всегда адекватную передачу средствами кириллической графики XVII в., отличается довольно последовательной фиксацией основных фонетических и грамматических особенностей карельского языка, в связи с чем может быть использован в качестве основного источника для реконструкции языка карелов-переселенцев, т. е. древнекарельского языка.

Таблица 1. Сопоставление лексических материалов памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
мороз	—	Па́кккана	пакказеста ‘от мороза’
слышу	—	Ку́ланъ	куле ‘услышь’ кулетро ‘слышишь ли’ кулитго ‘слышал ли’
видел	—	На́й	натко
пуговицы	нью́бла	Нью́блатъ	
широкий	—	Лёв́иа	левия
отец	—	’Иза та́йта	тато
мать	—	Ма́мо	мамо
сын	—	По́йка	пойга
брат	—	Вё́лли	велми
девушка	—	Не́йчють	нейчють
хлеб	—	Лё́йна	лейбя
масло	—	Во́й	вои
котел	ка́ттыла	Касты́ла	—
голодный	—	На́лькачн́иа	налгя
рыба	—	Ка́ла	кала
щука	гав́ги	Га́лька	—
лещ	ла́гна	Ла́гъна	—
окунь	агве ^н	’Агъвень	—
плотва	са́рги	Ша́рки	—
лосось	—	Ло́ги	логи

² В тексте статьи обычным шрифтом приводятся примеры из карельско-русского словаря 1667 г. (по расшифровке из работы [Муллонен, Панченко 2013]), курсивом — из карельско-русского словаря 1668 г. (по расшифровке из работы [Савельева и др. 2021]), полужирным курсивом — из русско-карельского словаря начала XVIII в. (по расшифровке из работы [Мещерский 1961]).

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
келья топится	—	<i>Кэльля лámъпiа</i>	<i>Ляммитя</i> 'истопи'
дверь	—	<i>’Óви</i>	ови
окно	еккуна	<i>’Икъкуна</i>	—
печь	кивга / кивга	<i>Кiвъга</i>	—
огонь	тúли	<i>Тúли</i>	—
уголь	гíли	<i>Хiли</i>	—
закрой	—	<i>Шáлъба</i>	салба
соль	шола	<i>Шóла</i>	—
блюдо	лóда / лúда	<i>Лóта</i>	—
миска	сталца	<i>Стáвитъца</i>	—
горшок	пáда	<i>Пáта</i>	—
ведро	ре ⁿ ги	<i><P>éньки</i>	—
квас	—	<i>Вáшъша</i>	вааса
собака	ко ⁿ ра	<i>Кóйра</i>	—
кошка	кáзи	<i>Кáзи</i>	—
мышь	гíри	<i>Хiри</i>	—
бревно	гiржи	<i>Хiръжи</i>	—
лось	—	<i>Гiръви</i>	гирви
медведь	—	<i>Кóнъдыа</i>	конды
волк	гукка	<i>Кúкъка</i>	—
куница	—	<i>Нáта</i>	нядя
бобр	—	<i>Мáй</i>	мая(ва)
белка	—	<i>’Ойрава</i>	орава
горноста́й	—	<i>Пóрътъма</i>	пордымо
железо	—	<i>Рáвъда</i>	равда
замок	лúкку	<i>Лúкъку</i>	—
ключ	авáнь	<i>’Авáнь</i>	—
церковь	кири ^k ко	<i>Кiрикъко</i>	—
крест	ри ^c ти	<i>Рiсти</i>	—
колокол	кéлло	<i>Кéръло</i>	—
мертвый	—	<i>Кóльа</i>	куолия куоллутъ
умер	—	<i>Кóли</i>	куоли

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
говорить по-карельски	ка́рлази, па ^и са	<i>пáйса ка́рьлалашкí</i>	—
говори	—	<i>Па́кизе</i>	пагая
ты	—	<i>Шíа</i>	сия
тебе	—	<i>Шíвълу</i>	сиоула
твой	—	<i>Шíу</i>	сиоунъ
мой	—	<i>Ми́унъ</i>	миунъ
принеси	—	<i>Туо</i>	туо
умеешь	мага ^т	<i>Мага́нъ</i> ‘умею’	—
возьми	—	<i>’Ота</i>	оттаа ‘братъ’
спать	ма́та	<i>ма́та</i>	—
купи	—	<i>’Осьша</i>	осса
продай	—	<i>Мю́а</i>	мюо
покажи	—	<i>’Ожута</i>	ожюта
хороший	—	<i>Кю́а</i>	гювя
плохой	—	<i>Па́ла</i>	пага
дорогой	—	<i>Кáльлись</i>	каллис
перо	шу ^н га	<i>Шу́лка</i>	—
воск	ва́га	<i>Ва́га</i>	—
свеча	тушъ	<i>То́гушъ</i>	—
Кто там?	—	<i>Кéнь жи́ль</i>	сиэла/сиэляго ‘там ли’
спроси	—	<i>Кю́жю</i>	кюзюна ‘прошу’
вынеси	ка ^н на	—	канна
здоровый	те́рвè	—	оле тервегена ‘будь здоров’
закрой	шула	—	суле
город	линна	—	линна

К работе привлекаются также диалектные данные второй половины XX в. по 15 говорам карельского языка Карелии и Центральной России из «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007). Исследование основано на применении метода филологического анализа и сравнительно-исторического (главным образом с привлечением внутренней реконструкции) метода.

Результаты исследования

Анализ лексических материалов памятников, основанный на сравнении словарных записей между собой и с данными современных собственно карельских диалектов карельского языка, позволяет сделать ряд выводов относительно фонетической, фонологической и словоизменительной систем карельского языка конца XVII в.

Фонетическая система

Системы кратких **гласных звуков**, представленные в словарных списках, совпадают как друг с другом, так и с современным собственно карельским вокализмом (см. табл. 2).

Таблица 2. Система гласных памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

Гласные	Переднего ряда		Среднего ряда	Заднего ряда	
	нелабиализованные	лабиализованные		нелабиализованные	лабиализованные
Верхнего подъема	<i>i</i>	<i>y</i>	<i>i</i>	—	<i>u</i>
Среднего подъема	<i>e</i>	—	—	—	<i>o</i>
Нижнего подъема	<i>ä</i>	—	—	<i>a</i>	—

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в источниках случаев фиксации **долгих гласных**, характерных для всех современных диалектов карельского языка, что, очевидно, является следствием восприятия данного явления через призму особенностей ударного слога русского языка, например: *Кўланъ* ‘слышу’, *куле* ‘услышь’, *пу* ‘дерево’, *Кўнаспа* ‘локоть’, *ш’ўва/слова* ‘есть’, *гўли/Хўли* ‘уголь’, *гўри/Хўри* ‘мышь’, *сўби* ‘крыло’, *тиятко* ‘знаешь ли’ (ср. с. к.³: *kuulen/kuwlen, kuule/kuwle, puu/puw, kuynes’piä/kywnes’piä, šyvvä/syvvä/šyvvä, hiili, hiiri, šiibi/siibi, tiijätko/tiijätgo*), но *Вўйзашъ* ‘хитрый’ (ср. с. к.: *viizaš*). Процесс дифтонгизации (преобразования второго компонента долгих гласных в аппроксимант, например *Тўвьни* ‘тихий’ (ср. с. к.: *tuuni/tywni*), характерный для всех тверских карельских говоров [Новак 2016: 33–34], очевидно, не был свойственен языку выходцев из Приладожья, на что указывает отсутствие следов фиксации данного явления в анализируемых источниках.

На фоне прибалтийско-финской группы языков карельский выделяется обильной **дифтонгизацией**. Для сужающихся дифтонгов, заканчивающихся на лабиализованные гласные верхнего подъема, в отличие от соответствующих долгих гласных, в тексте словарей наблюдается преобразование их конечного компонента в полугласный *w*, например: *сáвнъа* ‘язь’, *гавўи* ‘щука’, *кивга/Кўвѣка* ‘печь’, *Рáвѣда/равда* ‘железо’, *Нóвѣже* ‘встань’, *ловвинъ* ‘нашел’, но встречаются и редкие случаи сохранения гласного, например: *Мўунъ/миунъ* ‘мой’. Представленная в памятни-

³ С. к. — собственно карельское наречие карельского языка.

ках орфография, таким образом, может являться указанием на характерное для карельского языка того времени явление перехода второго компонента сужающихся дифтонгов в аппроксимант, что могло быть вызвано влиянием фонетической системы русского языка. Однако такая графика могла быть спровоцирована и русским фонотаксисом собирателей материала, что кажется более очевидным в связи с рассмотренным выше отсутствием аналогичного перехода в долгих гласных.

Восходящие к прибалтийско-финскому языку-основе сужающиеся дифтонги на *i* не обнаруживают каких-либо отличий в современных собственно карельских говорах, что подтверждается и словарными записями, например: *По́йка/пойга* ‘сын’, *ко^нра/Койра* ‘собака’, *Лейпа/лейбя* ‘хлеб’, *па^нка* ‘платок’. Для языка памятников, как и для основной массы современных собственно карельских диалектов, характерно отсутствие сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* (*-ze- < *-ise-*), например: *вúкконе* ‘ва^нга^{не} букв. ‘старичок старенький’, *Па́ккана* ‘мороз’ / *пакказеста* ‘от мороза’, *Кю́льлане* ‘сытый’, *Ва́рбуне* ‘воробей’, *юмалагине* ‘божественный’. Он представлен в родственных прибалтийско-финских языках и реконструируется исследователями для прибалтийско-финского праязыка [Leskinen 1998: 380–381]. Карельские памятники свидетельствуют о выпадении второго компонента дифтонга еще в древнекарельский период функционирования языка.

В отличие от сужающихся, расширяющиеся дифтонги, развившиеся из прибалтийско-финских праязыковых долгих гласных **aa*, **ää*, **ee*, **oo*, **öo*, в словарных записях редки. Это связано главным образом с относительно последовательным их отображением одиночными гласными, например: *Ха́на* ‘осина’, *ма́та/ма́та* ‘спать’, *На́та/нядя* ‘куница’, *Па́* ‘голова’, *тяля* ‘здесь’, *шола/Шо́ла* ‘соль’, *’io^кши* ‘бежал’, *ло́да/лу́да/Ло́та* ‘блюдо’, *тушь/То́гушь* ‘свеча’, *вúжи* ‘год’, *Не́гла* ‘игла’ (ср. с. к.: *huaba/hoaba/haaba, tuata/moata/maata, niätä/niädä, piä/peä/pää/pee, tiälä/teälä/täälä, šuola, juokši, luoda, tuohuš, vuoži, niegla*) и в целом укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык. При этом во всех анализируемых памятниках встречается некоторое число примеров с расширяющимися дифтонгами, например: *Ту́о/туо* ‘принеси’, *мюо* ‘продай’, *люо* ‘бей’, *вуотъ* ‘жди’, *юота* ‘напой’, *л’бневъ* ‘будет’, *Кю́ль* ‘язык’, — что указывает на их наличие в языке информантов. Следует также обратить внимание на представленные в словарных записях 1668 г. и начала XVIII в. признаки явления расширения дифтонгов *uo*, *yö*, *ie*, характерного для отдельных современных тверских карельских говоров, например: *Шя́/сия* ‘ты’, *Тя́* ‘дорога’, *Вю́а* ‘пояс’, *Шю́а* ‘ешь’ (ср. с. к.: *šie, tie, vuö, šyö*). В данном случае речь, очевидно, вновь идет об особенностях восприятия карельского вокализма носителями русского языка, а также очевидными трудностями, вызванными передачей переднерядных гласных средствами кириллической графики.

Тенденция к дифтонгизации, очевидно, получила развитие в прибалтийско-финских языках с долгих гласных **oo > io*, **öo > yö*, **ee > ie*, что нашло отражение не только в карельском, но и в финском языке. Дифтонгизация долгих **aa*, **ää* является сугубо карельским процессом, ее начало принято относить к XI–XII вв. [Rapola 1966: 350–355]. Особенности передачи дифтонгов в тексте анализируемых источников одиночными гласными, к сожалению, не могут помочь прояснить, завершился ли этот процесс к моменту массового переселения карелов. Стоит отме-

тить лишь, что, в отличие от представленных в словарях в виде дифтонгов рефлексов долгих *oo, *öö, *ee, последователи долгих *aa, *ää (в том числе образованных в результате стяжения) переданы исключительно одиночными гласными (кроме *оттаа* ‘брат’), как и долгие *ii, *uu, что может быть свидетельством их сохранения в языке анализируемого периода. При этом дифтонги *ia, iä, uä*, на большей территории распространения современных собственно карельских диалектов являющиеся рефlekсами долгих *aa, *ää, в языке памятников отмечены лишь в связи с рефlekсами долгих *oo, *öö, *ee. Таким образом, в случае наличия в языке информантов дифтонгов *ia, iä, uä* в качестве рефлексов долгих *aa, *ää, собиратели могли бы зафиксировать их. В собственно карельских диалектах Средней Карелии и Центральной России явление получило самое различное продолжение [Бубрих и др. 1997: 4–5], что опять же указывает на незавершенность процесса дифтонгизации к середине XVII в.

Система согласных языка анализируемых памятников представлена в табл. 3. Важно отметить, что согласный *f* отмечен исключительно в словаре 1668 г., в соловецких записях отсутствует фиксация согласного *č*, а в русско-карельском списке — согласных *c* и *š*.

Таблица 3. Система согласных памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

По месту образования				губные		язычные				горланные
				губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		среднеязычные	заднеязычные	
зубные	нёбно-зубные	тв.	тв.			тв.	тв.			
По способу образования				тв.	тв.	тв.	тв.	тв.	тв.	
шумные	смычные	взрывные	глухие	<i>p</i>	—	<i>t</i>	—	—	<i>k</i>	—
			звонкие	<i>b</i>	—	<i>d</i>	—	—	<i>g</i>	—
		аффрикаты	глухие	—	—	<i>c</i>	<i>č</i>	—	—	—
	щелевые	срединные	глухие	—	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	—	—	<i>h</i>
			звонкие	—	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>j</i>	—	—
			звонкие	—	—	—	<i>r</i>	—	—	—
сонорные	смычные	носовые	звонкие	<i>m</i>	—	<i>n</i>	—	—	—	
	щелевые	боковые	звонкие	—	—	<i>l</i>	—	—	—	
	дрожащие		звонкие	—	—	—	<i>r</i>	—	—	

Распределение согласных в границах слова не отличается от современного представительства: в начале слова в исконной карельской лексике выступают со-

гласные *k, t, p, n, l, m, r, h, v, s/š, j*; внутри слова возможно использование всех согласных звуков; для абсолютного конца слова характерно наличие согласных *t, n, h, v, l, š/s, r*. В данной связи стоит также обратить внимание на тот факт, что свойственный большей части современных южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии переход *j > d'* не нашел отражения ни в одном из анализируемых источников, например: юмала/*Юмалà/юмала* 'бог', по^ня 'дно', 'ио^кши 'бежал', 'Ярви 'озеро', 'Уки 'река', юта 'напой'.

В тексте памятников адекватно переданы **геминаты**, например: ка^ттыла 'котел', еккуна 'окно', гукка/*Кукъка* 'волк', лукку/*Лукъку* 'замок', Пакъкана 'мороз', Какъкаръ 'блины', Хатътаратъ 'портянки', гавиття 'губитель', Шапъпатъ 'сапоги', Анопъни 'теща', келло 'колокол', ке^лла 'рукой', Вельли/*вельлюонъ* 'брат/братец', Кальлисы/*каллис* 'дорогой', Кюльлане 'сытый', ка^нна/*канна* 'вынеси', ли^нна/*линна* 'город', ва^нны 'обруч', А^нна/*анна* 'дай', Ламъ ми 'тепло', Ламъмаишъ 'овца', ляммитя 'истопи', ношша 'подними', Вайшша 'квас', осса 'купи', армасса 'помилуй', ловвинъ 'нашел', Пуцъци 'бочка'. В позиции после сонорного согласного ситуация с передачей геминат разнится. С одной стороны, во всех списках встречается пример без геминаты перти/*Пёрти/перти* 'изба', из словаря 1668 г. к нему можно добавить также лексемы Сиръни 'серп', Чиръку 'синица', Тальта 'долото'. Однако наряду с ними имеется пример с геминатой Кирънио 'блоха', как и лексема палъкка 'наём' из русско-карельского словаря. Сохранение геминат в позиции после сонорных согласных является характерной чертой современных собственно карельских говоров Карелии в отличие от говоров Центральной России. Исследователи карельской диалектной речи склоняются к тому выводу, что сокращение удвоенных согласных в рассматриваемой позиции произошло в ряде говоров уже в ходе их самостоятельного развития [Leskinen 1933: 41]. Представительство в текстах памятников одиночных согласных, таким образом, может быть объяснимо фонетическими особенностями воспринимающего русского языка.

Важно также обратить внимание на отсутствие фиксации геминат в позиции безударного слога после дифтонгов, представленное в материалах обоих карельско-русских словарей, например: па^нса 'говорить', Па^нйса 'пеки', па^нка 'платок', ма^нйта 'отец', А^нйта 'клеть', Ха^нёкка 'ястреб' (ср. с. к.: *paissa, paissa, paikka, tuatto, aitta, haukka*). В этой связи стоит отметить, что явление сокращения геминат в анализируемой позиции было также зафиксировано в собственно карельских материалах словаря П. С. Палласа [Сравнительные словари] и памятниках тверской карельской письменности начала XIX в. (см.: [Тверские переводные памятники: 21]). Кроме того, оно распространялось не только на основу слова, но и на падежные аффиксы, например: ш^нйла 'направо', Шивълу/*сиоула* 'тебе', си^нла 'там', тя^нля 'тут'. Такое положение вещей сохранилось в словоизменительных парадигмах местоимений современных собственно карельских говоров, ср. с. к.: *miula* 'мне', *teilä* 'нам', *šielä/šielä* 'там'. Все это может указывать на наличие явления сокращения геминат в прошлом языке, что кажется вполне естественным в слабой позиции слова.

Оппозиция согласных по признаку **глухости/звонкости**, характерная для всех собственно карельских диалектов, кроме севернокарельских, представлена в памятниках по-разному. В соловецких и русско-карельских словарных записях в звонком фонетическом окружении приведены звонкие смычно-взрывные и щелевые согласные, например: нюбля 'пуговица', ребо 'лиса', гави 'щука', сьарги 'плотва',

кивга ‘печь’, ре^нги ‘ведро’, шу^лга ‘перо’, лóда ‘блюдо’, пáда ‘горшок’, лавда ‘доска’, кáзи ‘кошка’, вўжи ‘год’, гíржи ‘бревно’; *лейбя* ‘хлеб’, *салба* ‘закрой’, *пойга* ‘сын’, *налгя* ‘голодный’, *наго* ‘зрение’, *ведо* ‘дань’, *нядя* ‘куница’, *конды* ‘медведь’, *равда* ‘железо’, *ожюта* ‘покажи’, *кяржи* ‘терпеть’, *кюзюна* ‘прошу’, *лизя* ‘прибавь’. Среди этого последовательного ряда затерялся лишь один «глухой» случай апу^x ‘на помощь’. В памятнике 1668 г., в свою очередь, в одной и той же фонетической позиции используются как глухие, так и звонкие согласные, например: *Пáну* ‘боб’ — *Рéбо* ‘лиса’, *Сíка* ‘свинья’ — *Хíга* ‘рукав’, *Хáлько* ‘дрова’ — *’Яльга* ‘ноги’, *Гéньки* ‘душа’ — *Хáньги* ‘гусь’, *Мáйто* ‘молоко’ — *Пáйда* ‘рубашка’, *Шíльта* ‘мост’ — *Кýлда* ‘золото’, *Лúсикька* ‘ложка’ — *Кáзи* ‘кошка’, при этом важно отметить, что явление не отличается последовательностью. Количество фиксаций глухих согласных в тексте данного памятника более чем в два раза превышает количество фиксаций звонких.

Феннисты относят явление озвончения глухих согласных к древнекарельскому периоду функционирования языка и объясняют его результатом влияния древнерусской фонетической системы [Kalima 1934: 255; Leskinen 1964: 98], такой вывод подтверждается и данными анализируемых словарных записей. При этом для карельско-русского списка 1668 г. характерно наличие довольно большого процента фиксаций глухих согласных в звонком фонетическом окружении, что является особенностью фонетической системы финского языка. При этом однако некоторые из слов с глухим согласным содержат в своем составе шипящие согласные — яркий признак карельского (или ижорского) языка, например: *Шíльта* ‘мост’, *Шáтула* ‘седло’. Подобные примеры косвенно указывают на то, что местом записи словарного материала вполне мог быть Карельский перешеек, где в анализируемый период времени соседствовало карельское, ижорское и финское население. Следует отметить, что на уровне лексики также наблюдаются явные финские вкрапления. В этом контексте следует обратить внимание на два коротких фрагмента, представленных в конце словаря «Жёрска(й) язы́к в той (же) полестíнѣ» и «Чўханьскай в той же полестíнѣ», содержащие лексемы ижорского и финского языков, распространенные в той же местности («полестине»), что и карельский, т. е. на Карельском перешейке, откуда в XVII в. и происходил отток карельского населения.

Материалы анализируемых словарных записей также предоставляют сведения относительно **дистрибуции переднеязычных щелевых согласных** — одного из важнейших маркеров карельской диалектной речи, имеющего ареальную природу. Распределение свистящих и шипящих согласных в языке памятников представлено следующим образом:

- в позиции перед гласным *i* в начале слова в первом и третьем словарях используется свистящий согласный, например: *сiби* ‘крыло’, *сиритá* ‘погладь’, *сия* ‘ты’, *сиэла* ‘там’, — тогда как в тексте карельско-русского словаря 1668 г. — шипящий, например: *Шíльметь* ‘глаза’, *Шíльта* ‘мост’, *Шíа* ‘ты’. Исключение из правила содержит слово *Сíка* ‘свинья’;
- в позиции перед гласным *i* в середине слова в интервокальной позиции обнаружены преимущественно свистящие согласные, например: *кáзи/Кáзи* ‘кошка’, *Мéзи* ‘мед’, *Кáзи* ‘руки’, но *Кўжи* ‘ель’, — а в позиции после согласных — шипящие, например: *венегéкши* ‘по-русски’, *гíржи* ‘бревно’, *’iо^kши*

‘бежал’, *Лáпъши* ‘младенец’, *Кáкъши* ‘два’, *кáрълáкъши* ‘по-карельски’, *Хи́ръжи* ‘бревно’, *кя́ржи* ‘терпеть’, но *кагекси* ‘надвое’;

- в позиции после гласного *i* во всех источниках представлены свистящие щелевые, например: *ри^тти/Рíсти* ‘крест’, *па^тса* ‘говорить’, *Пáйса* ‘пеки’, *’йса* ‘высеки’, *’Истуа* ‘сядь’, *Му́йса* ‘помни’, *’Иза* ‘отец’, *Вíзи* ‘пять’, *’Янисъ* ‘заяц’, *Вáрисъ* ‘ворона’, *ря́ккагиста* ‘от грехов’, *Кáльлисъ/каллис* ‘дорогой’, *лизя* ‘прибавь’;
- в словах переднерядного вокалического оформления (кроме позиций до или после *i*) в источнике начала XVIII в. использованы исключительно свистящие согласные, напр., *сюва* ‘есть’, *сюота* ‘накорми’, *саретъ* ‘голени’, *кюзюна* ‘прошу’, тогда как в двух других возможны оба варианта, например: *ш’у́вья* ‘есть’, *съярги/Шя́рки* ‘плотва’, *сáвня* ‘язь’, *ялешта* ‘сзади’, *Ш’бá* — *Сю* ‘ешть’, *Шéлька* ‘спина’, *Шéньпа* ‘кузнец’, *Кéжа* ‘лето’, *Лáжа* ‘лужа’, *Сю́льки* ‘слюна’, *Шéтьцемá* ‘семь’, *Сéтькюмень* ‘семьдесят’;
- в словах заднерядного вокалического оформления в более ранних памятниках за редким исключением отмечены шипящие согласные, например: *шола/Ш’бá* ‘соль’, *шула* ‘закрой’, *шу^тга/Шу́лька* ‘перо’, *тулúкша^т* ‘огниво’, *вáшта/Вáш’та* ‘веник’, *нош’ша* ‘подними’, *шпашта^т* ‘учишь’, *вúжи* ‘год’, *Ш’бáлтъ* ‘кишки’, *Шу́рима* ‘крупа’, *Шáльба* ‘закрой’, *Ш’б’р’жа* ‘утка’, *Шáви* ‘глина’, *’Ок’ша* ‘сук’, *Му́ш’та* ‘черный’, *Вáжа* ‘теленки’, но *вазма^л* ‘налево’, *лáса* ‘пусти’, *С’б’р’метъ* ‘пальцы’, — тогда как в русско-карельском словаре, наоборот, представлены преимущественно свистящие, например: *сана* ‘слово’, *салба* ‘закрой’, *осса* ‘купи’, *суле* ‘закрой’, *сарва* ‘выдра’, *армасса* ‘помилуй’, *сататате* ‘досаждаться’, *остаа* ‘купить’, *игастелете* ‘радуйся’, *ревоста* ‘за лисицу’, но *ожюта* ‘покажи’, *лаже* ‘пусти’;
- на конце слова (не после гласного *i*) в карельско-русских записях используются шипящие, например: *тушть/Т’б’гушъ* ‘свеча’, *’оул’ош* ‘вон’, *Тáй’ваишъ* ‘небо’, *М’б’ишъ* ‘человекъ’, *’Угúшъ* ‘осень’, *Лáм’машъ* ‘овца’, но *Тéрасъ* ‘сталь’, — а в русско-карельском словаре — свистящие, например: *юлалусъ* ‘божество’, *гявитюсь* ‘гибель’, *кореусъ* ‘гордость’, *илвес* ‘рысь’.

Таким образом, следует констатировать, что системы дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в анализируемых источниках представлены отличным образом. Наиболее близки друг к другу ранние карельско-русские словари. Отличия в использовании в них щелевых согласных обнаружены лишь в позиции начала слова перед гласным *i*, но в целом оба источника можно охарактеризовать довольно обильным употреблением шипящих согласных за исключением позиции после гласного *i* и части лексем переднерядного вокализма. Такая постановка явления характерна для современных севернокарельских и части южнокарельских диалектов (ребольско-ругозерско-тунгудская группа и группа диалектов центральной России) собственно карельского наречия и, очевидно, является прямым наследием соответствующей древнекарельской системы. Таким образом, к моменту массовых переселений фонетическая система древнекарельского языка уже дифференцировала фонемы [s] и [š], [z] и [ž], что требовало соответствующего их отражения на письме.

Языковеды возводят вызванную влиянием фонетической системы русского языка тенденцию к использованию шипящих согласных к периоду функциониро-

вания древнекарельского языка [Kalima 1934: 255–256], что засвидетельствовано писцовыми документами рубежа XV–XVI вв. Их идентичное присутствие, с одной стороны, в говорах Средней и Северной Карелии, а с другой — Верхневолжья, также подтверждает то предположение, что шипящие были принесены переселенцами-карелами в оба региона с территории исторической родины.

В результате переселений явление на различной почве получило отличное продолжение. В этом плане существенно отличаются от двух других анализируемых источников русско-карельские словарные материалы, поскольку в них представлено доминирующее использование свистящих согласных, звонкий шипящий выступает лишь в редких примерах в позиции перед гласным *i* в середине слова или в интервокальной позиции лексем заднерядного вокализма. Это совпадает с современным представлением явления в паданско-мяндусельгско-поросозерской группе южнокарельских диалектов собственно карельского наречия. Такое положение вещей может быть маркером для более точной локализации говора — источника данных для памятника. Важно отметить, что основной всплеск роста числа дворов в Лопских погостах приходится на вторую половину XVII в. — период массовых переселений карелов. Однако на рубеже XVII–XVIII вв. произошло вызванное неурожайными годами и карательными рейдами шведов запустение данной территории на 43 % [Чернякова 1998: 271–273]. За счет внутренней миграции в начале XVIII в. население наполовину опустошенных деревень Средней Карелии, очевидно, частично сменилось, в том числе за счет притока карелов с ливвиковско-людиковских территорий с противоположной постановкой дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, что, в свою очередь, могло найти отражение в языке анализируемого памятника.

Еще одним важным маркером карельской диалектной речи является **корреляция по твердости/мягкости**. В анализируемом материале на мягкость согласных указывают следующие за ними переднеязычные гласные, например: *сы́рги* ‘плотва’, *ри́тти/Ристи́* ‘крест’, *’Иза* ‘отец’, *’Тиа* ‘дорога’, *ню́бля/Ню́блять* ‘пуговица/пуговицы’, *лейбя́* ‘хлеб’, *ня́дя* ‘куница’, *тя́ля* ‘здесь’, *ли́зя* ‘прибавь’. Примеры выраженного графически нарушения гармонии гласных в словах переднерядного вокализма (*са́вня* ‘язь’, *На́та* ‘куница’, *Лей́на* ‘хлеб’) могут, с одной стороны, быть объяснимы некоторыми трудностями передачи переднерядных гласных, не свойственных фонетической системе русского языка. Однако изобилие подобных примеров в русско-карельском словаре (*налзя́* ‘голодный’, *наго́* ‘зрение’, *ря́хка* ‘грех’, *ми́да* ‘что’, *ловви́нь* ‘нашел’), напротив, может являться свидетельством слабой степени палатализации согласных, выступающих в позиции перед переднерядными гласными *ä, ö, y, e*, что является характеристикой современной консонантной системы севернокарельских говоров и собственно карельских говоров Приграничной Карелии [Бубрих и др. 1997: 102–110], а также, согласно ряду исследований, было свойственно древнекарельскому языку, в котором смягчению подверглись лишь переднеязычные согласные, выступающие в положении перед гласным *i* (см., напр.: [Turunen 1946: 337; Leskinen 1998: 370–371]). К сожалению, графическая система памятника не позволяет сделать каких-либо более определенных выводов.

На сильную степень палатализации указывает использование в карельско-русском словаре 1668 г. и в русско-карельском словаре (один пример) графемы *ь* в позиции между согласными: *Тю́нзи* ‘ноготь’, *’Яльки* ‘след’, *Кю́льлане* ‘сытый’,

вельлюонь ‘братец’. Для говора — источника данных карельско-русского словаря также характерна четко выраженная палатализация на конце слова, например: *Кальлись* ‘дорогой’, *Говись* ‘дешевый’, *Вёмьмель* ‘дуга’, *Пётель* ‘толкач’, — свойственная современным южнокарельским диалектам собственно карельского наречия. Данных соловецкого карельско-русского словарного памятника недостаточно, чтобы проследить поведение согласных конца слова. Редкие примеры русско-карельского словаря (**каллис** ‘дорогой’, **илвес** ‘рысь’) вновь указывают на меньшую степень смягчения согласных, представленную в его материалах.

Язык памятников демонстрирует нестабильность характера согласных *r*, *d*, *t* в положении перед гласным *i*. С одной стороны, они выступают как твердые: *рыкать* ‘мусор’, *Нагрись* ‘репа’, *рыгьма* ‘нитка’, *ка^нтыла/Кастыла* ‘котел’, *Коньдыа/конды* ‘медведь’, *Порьтыма/пордымо* ‘горностай’, *Куньтыре* ‘слушай’, *Ваты* ‘холст’, *Лутыка* ‘клоп’, **Рухты нас** ‘Господь’. Однако в части примеров прослеживается мягкий характер этих согласных: *рипута* ‘повесь’, *ри^тти/Ристти* ‘крест’, *Ригьма* ‘нитка’, *Рьхьте* ‘сковорода’, *Кадить* ‘портки’. Такое положение вещей подтверждает предположение А. А. Беякова о том, что палатализация согласных *r*, *d*, *t* носит вторичный характер (см.: [Беяков 1949: 84–85]).

Фонологическая система

Материал анализируемых словарных записей позволяет обнаружить некоторое число примеров, демонстрирующих наличие в языке информантов фонологического явления чередования ступеней согласных, заключающегося в сокращении смычно-взрывных геминат или выпадении/замене одиночных смычно-взрывных согласных в ситуации закрытого слога.

В слабой ступени количественной альтернативы геминаты сокращаются, например: *рыкать* ‘мусор’ (ср. с. к.: *rikka* ‘мусор’); *Тукатъ* ‘волосы’ (*tukka* ‘волос’); *вирита* ‘зажги’ (*virittii* ‘зажигать’); *рипута* ‘повесь’ (*riputtua* ‘вешать’); *Ваты* ‘холст’ (*vuattiet* ‘одежда’); *’Ожумо/ожюта* ‘покажи’ (*ožuttua* ‘показывать’), **от-таа** ‘брат’;⁴ *’Отà* ‘возьми’/**отатъ** ‘ты возьмешь’; **гавиття** ‘губитель’ : **гяв-тющь** ‘гибель’; **юта** ‘напой’ (*juottua* ‘поить’); *Кача* ‘смотри’ (*kaččuo* ‘смотреть’); *Нейчють/нейчють* ‘девушка’ (*neiččyöt* ‘девушки’).

Одиночные смычно-взрывные в интервокальном окружении в результате качественной альтернативы выпадают или замещаются согласными *v*, *j*, например: *мáта/мáта* ‘спать’ < **tagat-* (*taguan* ‘я сплю’); *Рáгъ* ‘град’ (*ragehet* ‘градины’); *Нáй* ‘видел’/**натко** ‘видишь ли’ (*nägie* ‘видеть’); *ке^нля* ‘рукой’ (*käde-* сильная основа от *käzi* ‘рука’); *Энь ѓвэва* ‘не свободен’ (*joudua* ‘иметь свободное время’); **тиятко** ‘знаешь ли’ (*tiediä* ‘знать’); **лай** ‘делай’ (*luadie* ‘делать’); **ниа** ‘держи’ (*pidiä* ‘держать’); **ловвинь** ‘я нашел’ (*löydiä* ‘находить’); **ребо** ‘лиса’ : **ревоста** ‘за лису’; **рове** ‘короб’ (*robehiet* ‘коробы’); *ва^нву^н* ‘устал’ (*vaivio* ‘устать’).

В звонкой постконсонантной позиции происходит прогрессивная ассимиляция смычно-взрывных *d/t*, *b/p*, например: *’áно/’Анъна/анна* ‘дай’ (*andua* ‘давать’), *ка^ннна/канна* ‘вынеси’ (*kandua* ‘носить’), *Лáмъмашъ* ‘овца’ (*lambahat* ‘овцы’), *Вёмьмель* ‘дуга’ (*vetmelet* ‘дуги’).

⁴ Знаком : традиционно помечаются чередующиеся формы основ.

Палатальный смычно-взрывной в позиции после *l* (вероятно также *r*) выпадает, например: *ялешта* ‘назад’ (*jälgi* ‘след’), *шула/суле* ‘закрой’ (*sulgie* ‘закрывать’), *Сюле* ‘плюнь’ (*šylgie* ‘плевать’), *Кельляялмъ* ‘колоколяня’ (*jalgа* ‘нога’), — как это происходит в севернокарельских и северной части южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, в отличие от прогрессивной ассимиляции, характерной для остальных собственно карельских, а также ливвиковских диалектов (ср., *jällesti*, *šulle*, *šulle*, *jallat*). Согласно Х.Лескинену, древнее ливвиковское наречие, для которого было характерно уравнивание слабоступенных форм чередования дентального и палатального смычно-взрывных согласных, оказало влияние на язык Корельского уезда [Leskinen 1998: 378]. Однако данные словарных записей, хоть и крайне скудные, указывают на отсутствие в языке карельских переселенцев геминаты в анализируемой позиции. В таком случае можно сделать осторожный вывод о том, что нивелирование слабых ступеней дентального и палатального согласных в позиции после сонорного согласного произошло в диалектах собственно карельского наречия уже в ходе самостоятельного развития.

В словарной записи 1668 г. обнаружен единственный пример, демонстрирующий чередование сочетания согласных *ng/nk*, находящегося за рамками альтернации во всех современных диалектах карельского языка: *Кёни* ‘ялькашь’ ‘обуйся’ (*kenkie* ‘обувать’). Дефицит материала не позволяет сделать вывод о наличии/отсутствии данного вида чередования в прошлом карельского языка. Представленный пример может быть результатом восприятия через русскую фонетическую систему согласного *n*, изменяющего свое качество в [ŋ] в позиции перед палатальным согласным, что в свою очередь влияет и на артикуляцию самого палатального согласного.

Данные памятников позволяют говорить о довольно последовательном представителе чередования смычно-взрывных согласных, выступающих в глухой постконсонантной позиции — после щелевых *h*, *s*, *š* и смычно-взрывного *t*, что подтверждает факт наличия этого вида фонологического явления в древнекарельском языке, например: *Пёмель* ‘толкач’ (*petkelet* ‘толкачи’); *пюги* ‘подмети’ (*pyuhkie* ‘мести’); *’йса* ‘высеки’ (*iskie* ‘бить’); *лása/лаже* ‘пустй’ (*laškie* ‘пускать’); *Кáзимъ* ‘велел’ (*käskie* ‘велеть’); *мага*^Т ‘ты умеешь’ / *Магáмъко* ‘умеешь ли’ (*mah-tua* ‘уметь’); *Тáгемъ* ‘звезды’ (*tähti* ‘звезда’); *Тàгаишъ* ‘тесто’ (*tahtahah* ‘в тесто’); *кагекси* ‘надвое’ (*kahde*- сильная основа от *kakši* ‘два’); *маго* ‘хочешь’ (*tahtuo* ‘хотеть’); *ношша* ‘подними’ (*noštua* ‘поднимать’); *Пáйса* ‘пеки’ (*paistua* ‘печь’); *Муйса* ‘помни’ (*muistua* ‘помнить’); *Вáлаше* ‘запряги’ (*val’laštua* ‘запрягать’); *ар-масса* ‘помилуй’ (*armastua* ‘миловать’); *оста* ‘покупать’ : *’Осъша/осса* ‘купи’, но *шпашта*^Т ‘ты учишь’ (*opáštua* ‘учить’).

Словоизменительная система

Формат словника анализируемых памятников позволяет получить довольно скудный материал для анализа их морфологических систем. Все же приведение некоторых лексем не в начальных/словарных формах, а также наличие незначительного числа фраз предоставляют некоторую грамматическую информацию о карельском языке анализируемого периода времени.

Именная словоизменительная система представлена главным образом формами номинатива единственного числа одноосновных и двуосновных имен. Для образования **множественного числа номинатива** используется формант *-т/-ть/-ть*: тул^укша^т ‘огниво’, рык^атъ ‘мусор’, Ш^ильметь ‘глаза’, Хар^ътатъ ‘плечи’, Н^юбла^ть ‘пуговицы’, сар^етъ ‘голени’.

Из косвенных падежей в тексте встречаются исключительно формы единственного числа:

- **генетива** с формантом *-нъ*: М^иунъ/миунъ ‘мой’, с^{ио}унъ ‘твой’, юмаланъ ‘божий’, мянъ ‘наш’;
- **партитива** с формантами *-да/-да, -та, -а*: ту^лда ‘огня’, М^ида/мида ‘чего’, юода ‘ночи’, р^яккагиста ‘грешного’, с^ататуста ‘досады’, вуотта ‘лет’, ойгияя в^ьруа ‘правую веру’, ар^муа ‘милости’, а также особая форма личного местоимения *милма*;
- **транслатива** с формантом *-џи/-къши/-киш^и/-кси*: карлаџи/каръал^акъши ‘по-карельски’, венег^екъши ‘по-русски’, кагекси ‘надвое’;
- **эссива** с формантом *-на*: тервегена ‘здоровым’;
- **инессива** с формантом *-шъи*: К^ушъ ш^олитъ ‘где ты был’;
- **элатива** с формантом *-шта/-ста*: џалешта ‘сзади’, пакказеста ‘от мороза’, муйста ‘от иных’, ревеста ‘за лису’;
- **иллатива** с формантом *-х*: ‘апу^х ‘в помощь’;
- **адессива-аллатива** с формантами *-лля, -ла/-ла/-ля, -л/-ль* (в том числе застывшими в составе наречий): вазма^л ке^лля ‘налево’, ш^ляла ‘направо’, в^ецель ‘ножом’, М^иула ‘у меня’, т^ейла ‘у вас’, с^{ио}ула ‘у тебя’, с^иэла ‘там’, т^яля ‘здесь’.

В самом объемном словаре (1668 г.) также удалось обнаружить редкие примеры использования притяжательных суффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа: М^иуланъ ‘мне’, К^ени џл^ькашъ ‘обуй твои ноги’.

Глагольная словоизменительная система представлена в большинстве своем формами **2-го лица единственного числа императива**, совпадающими со слабой гласной основой глагола: ‘ано/’Анъна/анна ‘дай’, п^юги ‘подмети’, вирита ‘зажги’, ‘йса ‘высеки’, ка^ннна/канна ‘вынеси’, рипута ‘повесь’, К^ача ‘смотри’, В^ила ‘скрой’, С^юле ‘плюнь’, Л^укъку ð ‘закрой’, Н^овъже ‘встань’, Ш^юа ‘ешъ’, куле ‘услышь’, лям-митя ‘истопи’, салба ‘закрой’, пагая ‘говори’, туо ‘принеси’, м^{юо} ‘продай’, веню ‘лежи’. Кроме того, в русско-карельском словаре приведено по одному примеру образования форм **2-го лица множественного числа** и **3-го лица единственного числа императива**: кулга ‘слышьте’, олгахъ ‘пусть будет’.

В словарных материалах нашли отражение следующие лично-числовые глагольные формы презенса индикатива:

- **1-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-н/-нъ*: ва^н-ву^н ‘устаю’, К^уланъ ‘слышу’, Маг^анъ ‘умею’, ‘Энь џв^ьва ‘не свободен’, кач-куввун ‘угорю’, тягон ‘хочу’;
- **2-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-т/-ть*: ма-га^т ‘умеешь’, шпашта^т ‘учишь’, кулетро ‘слышишь ли’, натко ‘видишь ли’, тиятко ‘знаешь ли’, тирпатъ ‘терпишь’, отатъ ‘возьмешь’, тяготто ‘хочешь ли’;

- **3-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-в/-вь*: *аву^Т-та^В* ‘поможет’, *туло^В/Туловь* ‘будет’, *пиды^В* ‘нужно’, *лѣневь* ‘будет’, *Такувь* ‘кует’, или отсутствием показателя, объяснимым особенностями передачи долгих гласных, например: *Кѣгу* ‘кипит’, *Кѣнь кѣжю* (ср. с. к.: *kiehuu, kužu*). Также обнаружена единственная негативная форма: *Эйтул* ‘не придет’;
- **3-го лица множественного числа**: *Звонита* ‘звонят’. Эта форма отражает характерное для карельского языка явление использования пассивной формы в значении актива.

В формах **имперфекта индикатива** нашло отражение наличие трех видов чередования гласных *e : o, a/ä : o, VV : Vi*, происходящих вследствие присоединения словоизменительного показателя прошедшего времени *-и/-ы/-й*: *’iok’ши* ‘он бежал’, *Отынь* ‘я взял’, *Лакъшинь* ‘я пошел’, *Лакъшии* ‘он пошел’, *Тулинь* ‘я пришел’, *Маниитть* ‘ты обманул’, *олитъ* ‘ты был’, *Кóли/куоли* ‘он умер’, *ловинь* ‘я нашел’, *ловитко* ‘нашел ли ты’, *кулитго* ‘слышал ли ты’, *оуйной* ‘он уснул’ (ср. гласные основы в с. к.: *juokše-, ota-, lähe-/lähte-, tule-, tuanita-, ole-, kuole-, löyvä-, kuule-, uinuo-*).

Единичными примерами представлен **I инфинитив** с показателями *-ва/-ва, -са, -та, -а*: *ш’ува/сюва* ‘есть’, *ява* ‘пить’, *па^Иса/найс^А* ‘говорить’, *мата/мата* ‘спать’, *оттаа* ‘брат’, а также без показателя, что вызвано, опять же, передачей долгих гласных одиночным: *нйтът^А* ‘косить’, *оста* ‘покупать’. Обнаружен единственный пример употребления **III инфинитива в форме иллатива**: *осемахъ* ‘быть’, а также несколько субстантивированных причастий настоящего: *куолия* ‘мертвый’, *гавиття* ‘губитель’, и прошедшего времени: *куоллутъ* ‘мертв’.

В целом стоит отметить, что представленные в анализируемых памятниках в скудном объеме грамматические формы не позволяют выявить наличия каких-либо отличий в словоизменительных системах говоров, послуживших источником материала, а также совпадают с современной словоизменительной системой собственно карельского наречия карельского языка.

Заключение

Произведенный в рамках настоящего исследования сравнительный анализ материалов словарных памятников карельского языка второй половины XVII — начала XVIII в. позволяет говорить об их относительной идентичности. Обращает на себя внимание довольно последовательная передача фонетических и грамматических систем карельских говоров, послуживших источником данных для создания списков. Очевидные трудности у собирателей — носителей русского языка — вызвала передача особенностей карельского вокализма (переднерядных гласных, долгих гласных, расширяющихся дифтонгов) средствами кириллической графики того времени. При этом стоит отметить довольно удачное отображение таких особенностей карельского консонантизма, как дистрибуция свистящих и шипящих согласных, палатализация, оппозиция по глухости/звонкости, что, в свою очередь, помогло подтвердить или более точно локализовать возможные говоры — источники материалов.

Анализ графо-фонетической системы памятников позволил выявить ряд особенностей карельского языка анализируемого периода времени, часть из которых

можно определить как архаизмы, а часть — как инновации. Альтернативная и словоизменительная системы, представленные в материалах словарей, не обнаруживают каких-либо отличий как между собой, так и с современными собственно карельскими данными, что говорит об их как минимум древнекарельских корнях и относительной устойчивости, проявляющей себя на протяжении уже нескольких столетий.

Наиболее важный научный результат анализа источников — это, с одной стороны, подтверждение ряда древнекарельских реконструкций, предложенных ранее на косвенных данных, с другой — уточнение ряда позиций, характеризующих фонетическую и фонологическую системы древнекарельского языка на позднем этапе его существования. В частности, в области гласных выявлено, что в ней, очевидно, существовали еще долгие **aa*, **ää*, а также **ии*, **уу*, так что процесс преобразования второго компонента долгих гласных в апроксимант, свойственный современным наречиям, для нее не был еще характерен. Подтверждается выпадение *i* из исторического суффикса *-ise еще на древнекарельском этапе, на что указывали исследователи и ранее. В свою очередь, в области согласных язык документов свидетельствует о древнекарельском характере дифференциации *s* и *š*, *z* и *ž*, озвончения глухих согласных, сохранения геминат в позиции после сонорных согласных и их сокращения в позиции перед сужающимися дифтонгами, слабой степени палатализации *r*, *d*, *t*. В альтернативе согласных документально доказан древнекарельский характер чередования смычно-взрывных после щелевых *h*, *s*, *š* и смычно-взрывного *t*, а также выпадение палатального смычно-взрывного в позиции после сонорного.

Языковые особенности каждого из памятников позволили идентифицировать как место их записи, так и говор (или группу говоров), которые использованы в списках. И если в случае словника, записанного соловецким узником, было априори понятно, что запись произведена от носителя/носителей южного собственно карельского говора (говоров) района Карельского Поморья, то два других памятника не столь однозначны для идентификации. Анализ показал, что есть как языковые (определенный разницей в отражении звонких и глухих согласных в словаре Федора Коломнятина, некоторое число нехарактерных для карельского языка лексем), так и косвенные (карельский язык, судя по тексту рукописи, бытовал в одной «полестине» (т. е. местности) с ижорским и чухонским, т. е. финским) указания на то, что карельско-русский словарь 1668 г. был составлен, скорее всего, в районе Карельского перешейка. В XVII в. язык карелов исконной территории проживания и Верхнего Поволжья, где в это время сформировалась диаспора, был еще един. В свою очередь, русско-карельские словарные записи начала XVIII в. из собрания П. П. Вяземского были произведены, исходя из некоторой специфической лексики, а также маркерного паданско-тунгудского варианта *пагая* гласной основы глагола *paissa* 'говорить', на территории Центральной Карелии. Кстати, на идентичный диалектный источник указывают и записи соловецкого узника Феофана, что может на самом деле косвенно подтверждать правомочность предполагаемых языковых истоков записи из собрания Вяземского. Считается, что она составлялась для проведения торговых операций в Карелии и несет следы старообрядческого текста. Эти внешние условия вполне вписываются в ситуацию Карельского Поморья, через которое проходил торговый путь на Соловки.

Источники

- Мещерский 1961 — Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. В сб.: *Прибалтийско-финское языкознание*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 16–32.
- Бубрих и др. 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. *Диалектологический атлас карельского языка*. Helsinki: SUS, 1997.
- Описание рукописей — *Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии*. Порфирьев И. Я., Знаменский П. В., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. и др. (сост.). Казань: [Б. и.], 1885. С. 186–188.
- Перетц 1903 — Перетц В. Н. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия. *Русский филологический вестник*. 1903, (3–4): 148–149.
- Сравнительные словари — *Сравнительные словари всех языков и наречий*. Паллас П. С. (сост.). В 2 ч. СПб.: Тип. у Шнора, 1787–1789.
- Leskinen 1933 — Leskinen E. *Tulemajärven murteen vokalismi*. Helsinki: SKS, 1933.
- Mikkola 1901 — Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta. *Virittäjä*. 1901, (5): 101–102.
- Mikkola 1932 — Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo. *Virittäjä*. 1932, (36): 101–104.

Литература

- Беляков 1949 — Беляков А. А. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. В сб.: *Советское финноугроведение*. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 84–85.
- Муллонен, Новак 2023 — Муллонен И. И., Новак И. П. Графо-фонетическая, фонологическая и словоизменительная системы карельско-русского словаря в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г. Исследования и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. С. 219–244.
- Муллонен, Панченко 2013 — Муллонен И. И., Панченко О. В. *Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан*. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2013.
- Новак 2016 — Новак И. П. *Тверские диалекты карельского языка. Фонетика, фонология*. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016.
- Памятники лексикографии — Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г. Исследования и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023.
- Савельева 2019 — Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина. *Русская литература*. 2019, (3): 54–63.
- Савельева и др. 2021 — Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года. *Linguistica uralica*. 2022, (4): 250–276.
- Тверские переводные памятники — *Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в.* Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2020.
- Чернякова 1998 — Чернякова И. А. *Карелия на переломе эпох*. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1998.
- Kalima 1934 — Kalima J. Entisen Käikisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. *Virittäjä*. 1934, (38): 254–256.
- Leskinen 1964 — Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964, (68): 97–115.
- Leskinen 1998 — Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. В сб.: *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
- Rapola 1966 — Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SUS, 1966.
- Turunen 1946 — Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria. Konsonantit*. Helsinki: SUS, 1946.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2023 г.

Статья рекомендована к печати 14 мая 2024 г.

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of
the Russian Academy of Sciences,
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>
irma.mullonen@hotmail.com

Irina P. Novak

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of
the Russian Academy of Sciences,
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>
novak@krc.karelia.ru

Old-Karelian language features in written language heritage of the second half of the 17th — early 18th centuries*

For citation: Mullonen I. I., Novak I. P. Old-Karelian language features in written language heritage of the second half of the 17th — early 18th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (3): 720–740. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312> (In Russian)

The article presents the results of a study of the phonetic, phonological, and morphological systems of three dictionary entries made in the mid-17th century— early 18th century in the Karelian Proper supradialect of the Karelian language: 1) Karelian-Russian glossary made by Archimandrite Theofan in 1667 on Solovetsky Islands; 2) Karelian-Russian dictionary by Prokhor Kolomnyatin, 1668, presumably written down in the Upper Volga or the Northern Ladoga region; 3) early 18th century Karelian-Russian glossary from the collection of P. P. Vyazemsky, probably based on Middle Karelian patois. The comparative analysis of the relatively identical materials from these manuscripts performed here for the first time and involving also data from modern Karelian- Proper dialects has revealed some distinctive features of the Karelian language at the time of mass migrations of Karelians. Noteworthy phenomena in the phonetic system, characteristic of the final stage in the functioning of the Old Karelian language, are incomplete diphthongization process, reduction of geminates in front of descending diphthongs, voiced/voiceless consonant opposition, differentiation of “hissing” and “whistling” fricatives, minor palatalization of front consonants. The language of Karelian immigrants obviously featured all types of consonant alternations found in modern Karelian- Proper dialects. As the material was derived from dictionaries, we could not reconstruct the full inflectional paradigms of the Karelian language of the time. The data available, however, proved sufficient for concluding that the morphological system of the Karelian- Proper supradialect has been relatively stable over the past several centuries. The material presented in this study will occupy a worthy position in the process of studying the history of the Karelian language development and formation of its dialectal system.

Keywords: old-written language heritage, Karelian language, phonetics, inflectional system, dialectology.

References

Беляков 1949 — Beliakov A. A. Phonetics of the Karelian dialect of Tolmachi Kalinin region. In: *Sovetskoe finnougrovedenie*. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1949. P. 84–85. (In Russian)

* The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences no. 124022000089-4 “Baltic-Finnic languages of North-West Russia in the context of digitalization of scientific knowledge”.

- Муллонен, Новак 2023 — Mullonen I. I., Novak I. P. Grapho-phonetic, phonological and inflectional systems of the Karelian-Russian dictionary in the “Tsvetnik” by Prokhor Kolomnyatin. *Pamiatniki leksikografii v “Tsvetnike” Prokhora Kolomniatina 1668 g. Issledovaniia i teksty*. Moscow; St Petersburg: Al’ians-Arkheo Publ., 2023. P. 219–244. (In Russian)
- Муллонен, Панченко 2013 — Mullonen I. I., Panchenko O. V. *The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan of Athos*. Petrozavodsk: Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2013. (In Russian)
- Новак 2016 — Novak I. P. *Tver dialects of the Karelian language. Phonetics, phonology*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2016. (In Russian)
- Памятники лексикографии — Monuments of lexicography in Prokhor Kolomnyatin’s “Flower Garden” of 1668. Research and texts. Moscow; St Petersburg: Al’ians-Arkheo Publ., 2023. (In Russian)
- Савельева 2019 — Savel’eva N. V. Unknown Samples of Lexicographical Legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaia literatura*. 2019, (3): 54–63. (In Russian)
- Савельева и др. 2021 — Savel’eva N., Mullonen I., Fedjuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian Dictionaries in a Hand-written Volume Dated 1668. *Linguistica uralica*. 2022, (4): 250–276. (In Russian)
- Тверские переводные памятники — *Tver translated monuments of Karelian writing in the early 19th century*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2020. (In Russian)
- Чернякова 1998 — Chernjakova I. A. *Karelia at the turn of epochs*. Petrozavodsk: Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998. (In Russian)
- Kalima 1934 — Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. *Virittäjä*. 1934, (38): 254–256.
- Leskinen 1964 — Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964, (68): 97–115.
- Leskinen 1998 — Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. В сб.: *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
- Rapola 1966 — Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SUS, 1966.
- Turunen 1946 — Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria. Konsonantit*. Helsinki: SUS. 1946.

Received: March 6, 2023

Accepted: May 14, 2024